

«Рок-н-ролл для меня — это движение, это секс, наркотики, праздник, радость, это рок-революция. У нас этого не было. Я пытался это сделать и сделал в одиночку. И получилась вот такая автономная революция для себя. Это не мировое явление, это я здесь, получается, отстаиваю те же самые ценности, что мои собратья по фронтам в Сан-Франциско 60-х, в Нью-Йорке 70-х. Вот они воевали фронтами, а я здесь представляю маленькое отделение всего этого рок-фронта. Вот поэтому я склонен причислять себя к ним, а не к этим вот окружающим меня человечкам. Это очень важный момент, которого, видимо, никто не понимает. То, что мы вдвоем с Кузьмой создали, — сродни тому, что сделали MC 5, VELVET UNDERGROUND, THE DOORS, NEW YORK DOLLS и т. д. И это оказалось здесь на хрен никому вообще не нужно. Никто это даже не понимает и не слушает. Вообще, вся беда нашей сцены в том, что наш народ ничего не читает, не знает, не слушает и не видит. И не испытывает в этом никакой нужды».

Егор Летов, Омск, сентябрь 2004.

МОЕ ОПИСАНИЕ МЕНЯ БЕРЕЖЕТ

История «Гражданской Обороны» и Егора Летова с большим трудом поддается подробному и объективному описанию, а тем более — такому краткому. Летов столь долго запутывал следы, что изучение этого феномена становится

Москва, 4 декабря 1988 года, выступление «Гражданской Обороны» на фестивале «СыРок» в киноконцертном зале гостиничного комплекса «Измайлово», фото Юрий Чашкин.

Москва, 4 декабря 1988 года, выступление «Гражданской Обороны» на фестивале «СыРок» в киноконцертном зале гостиничного комплекса «Измайлово», фото Юрий Чашкин.

занятием в равной степени увлекательным и трудновыполнимым. Настоящее переплетается с прошлым, будущее, которого вроде как и нет, тоже не дает ответа, цитаты, вырванные из контекста, кажутся чужими, в итоге остается некий след от самолета, давно, далеко и безвозвратно улетевшего в неведомые дали. Но надо же с чего-то начинать, пока многие свидетели и очевидцы еще живы, относительно здоровы и находятся в трезвом уме и здравой памяти. А там, возможно, последует и продолжение, более подробное и насыщенное. Чрезмерный пиетет и частая прямая речь, лихие ретроспекции и парадоксальные ассоциации, удивительные пристрастия и субъективные оценки прилагаются, как они есть.

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

В 2019 году, когда велась работа над этой книгой, у группы «Гражданская Оборона» и её лидера Егора Летова было сразу две круглых даты. 10 сентября 2019 года Егору исполнилось бы 55 лет, а 8 ноября 1984 года — 35 лет назад образовалась «Гражданская Оборона». Точнее сказать, именно в канун годовщины Октябрьской социалистической революции Егором было придумано это название, и они на пару с Константином Рябиновым решили, что будут играть нечто невиданное и удивительное, чего до них не было нигде и никогда. Летов стал Дохлым Егором, или Джа Егором, или далее по списку, а Рябинов — Кузей УО, то есть Умственно Отсталым, или Кузей, или Кузьмой, как его часто кличут и по сей день. У Егора уже была до этого группа «Посев», существовавшая с 1982 года, исключительно как домашний проект, ни о каких публичных концертах в то время не могло быть и речи. Но именно встреча с Кузьмой и положила начало настоящей, бурной и кипучей истории великой русской рок-группы, «национального достояния», как спустя многие годы будут называть «ГО» в глянцевах

журналах. Это было сродни вроде как случайному и в то же время предначертанному знакомству Мика Джаггера и Кита Ричардса или Джона Леннона и Пола Маккартни. Понятно, что в дальнейшем не обошлось без своих условных Джорджей Харрисонов, Чарли Уоттсов, Ринго Старров, Брайанов Джонсов, Биллов Уаймэнов, Миков Тейлоров и Ронни Вудов, а также других немаловажных граждан, придавших дополнительной яркости этому буйству красок, но у истоков этого потрясающего и дикого коллектива изначально стояли двое — Егор, который все это придумал, и Кузьма, который с радостью к этому примкнул.

Даты, юбилеи и годовщины отечественных рок-групп не сказать, чтобы совсем уж притянуты за уши, но тут надо понимать: в самом начале никто и подумать не мог, как оно обернется. Посему ранние периоды жизни и творчества Летова теперь, спустя годы, видятся как эдакий *From Genesis to Revelation*, *«из родной кровати да в последний раунд, из крейзовой благодати да в андеграунд»*. Да, собственно, так оно и было — *«Мы вышли за рамки людских представлений и даже представить себе не могли»*. Каждая история сама по себе бесценна и уникальна, но тогда не было не то что надежды на выход всей этой музыки, песен и стихов за пределы квартир и вынужденного подполья — не было вообще ничего, была только вера и четкое понимание, что это делать НАДО. Впрочем, это касается не только «Гражданской Обороны», но и, наверное, всех остальных людей, ныне называемых «легендами нашего рока», как здравствующих, так и покойных. И очень часто лучше всего они о себе говорят сами. А уж в случае с Егором Летовым — и подавно: он так и не написал автобиографии,

равно как и истории своей группы, и даже посмеивался на эту тему на одной из пресс-конференций, напевая старую песенку из репертуара группы «Аракс»: *«Скоро стану я седым и старым. Уйду на пенсию писать свои я мемуары»*. Но от частого цитирования прямой речи Егора и его поэзии, равно как и от своих собственных личностных воспоминаний, ретроспекций и ассоциаций, тут никуда не деться.

Москва, 4 декабря 1988 года, выступление «Гражданской Обороны» на фестивале «СыРок» в киноконцертном зале гостиничного комплекса «Измайлово», фото Лев Гончаров.

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Глупо, наверное, искать в детстве и юности человека, будь то поэт, музыкант или художник, или все это вместе, какие-то специальные знаки, предвестия, признаки будущего таланта и прочие надуманные штуки. *«Кто здесь самый главный анархист?»* Иначе все скатывается к мало-вразумительным телепрограммам сродни «Дети-вундеркинды», где в двухлетнем ребенке якобы открываются космические бездны. Что, впрочем, не отменяет того, что Егор Летов — безусловный и очевидный визионер, проводник, часть той неведомой силы, через которую и идет весь этот поток энергии, слова и света. Все это происходит не случайно, и всему этому, само собой, нет объяснения. На поверхности остаются песенки, которые можно горланить под гитару, слушать в записи и смотреть на видео, а в глубине бушуют материи совсем другого масштаба. Метафизика и экзистенциальное тут смешиваются с бытовым и обыденным, как ни крути. Прекрасное словосочетание «Жизнь замечательных людей», иногда понимаемое превратно, в данном случае имеет прямейшее отношение к этим са-

мым людям. Они же и вправду замечательны, и очевидцы этого невероятного не позволят соврать.

Тем временем в столицах ни о какой «Гражданской Обороне», не говоря уже о «Посеве» (группе, а не диссидентском журнале), никто ничего не знал. И только когда на местах боевой славы начались нешуточные гонения и черные «Волги» с сотрудниками КГБ стали забирать музыкантов-подпольщиков на допросы прямо из дома, отправив в итоге Летова в психушку, а Рябинова в армию, смутные слухи о неведомом доселе явлении начали доходить и до центра. Немалую роль в этих разговорах о «ГО» сыграл старший брат Егора Сергей Летов, ненавязчиво показывавший в концертных кулуарах деятелям московского и питерского андеграунда черно-белые фото со странными людьми, выглядевшими чрезвычайно вычурно. Вот, говорил он, мой брат Игорь, его ужасно гнобят в Омске за его стихи и музыку и хотят со свету сжить, и если, мол, это не прекратится, то Сергей соберет иностранных журналистов и расскажет им правду, скрывающуюся за фасадом перестройки. И даже если не слышать и не знать ни звука, не представляя, что это за брат и что он там играет, сочиняет и поет, возникало ощущение, что это нечто из ряда вон выходящее. Своих в то время опознавали и чувствовали с полупамятка, подмигивания, взгляда невзначай, а часто и вовсе без слов. Это было похоже на роман по переписке, свидание вслепую, веру на слово, попытку поверить в неведомое и оттого долгожданное. Ведь должно же оно где-то быть, то, чего доселе еще не было. И в итоге так и случилось. И совершенно не важно теперь, кто в чем тогда при-

знался на допросах — а вызывали туда всех, кто так или иначе дружил и общался с Летовым, — кто оказался студентом и кто кого заложил из тогдашнего окружения Егора. Если уж великие разведчики прошлого не выдерживали пресса и открывались, при всей их подготовке к худшему, то что говорить о молодых людях из Сибири, угрозы в адрес которых были совсем нешуточными.

При этом спустя ровно год с того момента, как образовалась «Гражданская Оборона», 7 ноября 1986 года, в Новосибирске, в Академгородке, ставшем потом одним из любимых мест обитания и выступлений Егора и его новообретенных друзей и соратников, состоялось первое публичное выступление группы. Уже в новейшие времена, осенью 2018 года, эта запись, ранее считавшаяся утерянной, под названием «Песни в пустоту» была выпущена на CD издательством «Выргород». В сопровождающем издании анонсе подготовившая его Наталья Чумакова написала: *«“Гражданскую Оборону” Егор и Кузьма (Константин Рябинов) основали осенью 1984 года, но выступить группа так ни разу и не успела: из-за заведенного в КГБ дела Кузьму в срочном порядке призвали в армию, Егора отправили в психбольницу, а все соратники в ужасе разбежались кто куда. Выйдя из психушки, Егор, еще не будучи коротко знаком с братьями Лищенко (с которыми они в 1987 году оглушающе выступили на I Новосибирском рок-фестивале), искал людей, с которыми можно было бы продолжать какие-то совместные действия, и в этот момент к нему присоединился Jeff — Евгений Филатов. С ним они даже сумели записать первый вариант “Красного альбома”, который Егор впоследствии назвал “курьезом” из-за безобразного качества исполнения.*

В Новосибирске у Егора был старинный друг Иваныч — Александр Рожков, математик и флейтист. В своей квартире в поселке Матвеевка, что между Новосибирском и Академгородком, он начал устраивать сейшена. Собиралась там исключительно “элита” местного андеграундного рока. И сама собой пришла идея пригласить туда выступить никому тогда абсолютно не известного омского музыканта Егора Летова, послушать которого и пришел тот самый бомонд в количестве примерно четырнадцати человек. Праздничной атмосфере должна была как бы способствовать дата 7 ноября — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Скорее всего, эти люди — а был там и Дмитрий Селиванов, и музыканты группы “БОМЖ”, и прочие много о себе понимающие граждане — даже не поняли и не смогли уразуметь, что они там услышали и как на это реагировать. Я думаю, что именно тогда, после этого первого выступления под именем “Гражданская Оборона”, да и вообще первого исполнения своих песен перед посторонними, Егор полностью изменил свое отношение к публике. Теперь только агрессия и эпатаж. Запись далась Иванычу сложно — он был вынужден не только подыгрывать группе, но и следить за магнитофоном, который не удалось надежно установить. Поэтому аппарат временами кто-то отключал, задевая, и некоторые куски концерта попросту выпали. Затем, уже по приезду в Омск, Егор и Jeff дописали туда свеженарисованные под впечатлением от произошедшего песни, а также “Речи и рассуждения” (так Егор определил этот монолог при оцифровке в 2005-м). Несмотря на то что почти никто об этом и не подозревал, запись сохранилась полностью

и действительно образовала отнюдь не мифический альбом “Песни в пустоту”. Я решила ничего не изменять в нем, не выбрасывать песни, пострадавшие от остановок магнитофона, и не сокращать длинные паузы — пусть все останется так, как это отпечаталось на пленке».

А в финале своего письма Валерию Рожкову Егор, рассказывавший о том, что случилось в Новосибирске, пишет: «О поездке в Н-ск мы написали новую песню — “Мы — лёд”». Тот самый, под ногами майора.

ЛЕГЕНДА О ДОБЛЕСТНОМ

Настоящий и лютый прорыв случился уже после гонений. Егор успел чудом не сойти с ума за три месяца в психиатрической лечебнице закрытого типа, Кузьма, несмотря на вполне законное право на «белый билет», отслужил два года в сапогах на Байконуре, откуда постоянно писал Летову письма, одно другого краше. Тем временем по стране расползались слухи и легенды. А в 1987 году в народ пошли записи «ГО». И тут уже все стало полностью и окончательно ясно. Но, опять же, не сразу. Помнится, на 5-м фестивале Ленинградского рок-клуба в 1987 году кто-то из дружественных журналистов пытался заставить меня послушать кассеты с «Обороной» с допотопного диктофона, откуда доносился только невнятный, невыносимый и неразборчивый скрежет, где невозможно было разобрать ни звука, ни слова. Увольте, увольте, только не это, я так не могу. А вот спустя кратчайшее время появились и вполне пристойные записи, и вот тогда они сработали. Гранаты оказались той самой системы, какой надо. Мы тогда еще не знали, что все эти альбомы Егор записал самолично, один, играя на всех инструментах, и разве что вставной номер «Печаль моя светла» Янки Дягилевой выглядел такой шутейной песней от

«басистки “ГО”», коей она не являлась, да так и не стала. Да и слово «басс» Егор всегда предпочитал писать с двумя «с», уточняя, что «бас» — это Федор Шаляпин. Есть записи — есть группа, пусть это и всего один человек на самом деле.

Егор Летов: *«Летом 1987 г. виртуальной фирмой “ГрОб-Records” были одновременно выпущены в подпольное распространение пять магнитоальбомов — “Красный альбом” (в выходных данных намеренно неверно датируемый 86-м годом), “Мышеловка” (тоже якобы 86), “Хорошо!!”, “Тоталитаризм” и “Некрофилия” (все три — 87). Все эти опусы были записаны единолично мной у себя дома (“ГрОб-студия”) в первых числах июня 1987 г. путем последовательного наложения инструментальных партий одна на другую. Сначала писались ударные, затем — ритм-гитары (преимущественно на отдельный канал), басс (на другой канал или же — на оба) и, в конце концов, — голос, одновременно с гитарным соло. Впоследствии, при сведении, все полученное собиралось в определенной последовательности и пропускалось через некую delay-образную обработку оригинального, не имеющего аналогов свойства — и альбом был готов. Записывающим агрегатом являлся магнитофон “Олимп-003”, на мой взгляд, лучший из отечественных бытовых лентопротяжных механизмов на тот момент. В качестве воспроизводящих, “читающих”, использовались различные устройства в той или иной степени самопального происхождения, специально отстроенные для коррекции высоких и низких частот, их повышения или подавления в процессе многократных наложений партий на болванках. Этим объясняется некое осязаемое отличие звучания отдельных треков и в целом альбомов между собой. Так как это был мой первый опыт осуществления подобной записи*

в жестко-бытовых условиях и в столь короткий срок (буквально дней за пять от начала и до конца), все это действие носило крайне экспериментальный, экстремальный характер, со всеми вытекающими из этого радостными достижениями и досадными изъятиями. “Печаль Моя Светла” — самая первая песня Янки, которую она накануне как раз сочинила, да и вообще первая ее запись».

Москва, 19 февраля 1989 года, Янка Дягилева, концерт «Гражданской Обороны» и «Великих Октябрей» в ДК МЭИ, фото Лев Гончаров.